

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the Slovak Republic
Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava
Has been issued since 2014.
ISSN: 2409-4528
E-ISSN: 2413-7340
2017, 4(1): 50-57

DOI: 10.13187/zngup.2017.50
<http://ejournal22.com>



UDC 343.2/.7

Russian and Muslim Criminal Law: A Potential of Convergence

Ramiz F. Shahbazov ^{a, *}, Alexander A. Sizov ^a

^a Kursk Institute of social education (branch) of Russian state social University, Russian Federation

Abstract

In the presented article provides suggestions on the implementation of certain norms of Islamic criminal law in criminal legislation of the Russian Federation, and focuses on the relevance of understanding the possible convergence of the Russian and Muslim criminal law. Objective analysis has raised has contributed to the consideration of some examples of rebuking the religious rules of behaviour, norms as a kind of social, in legal form. The purpose of this scientific article is to identify potential convergence of Russian and Muslim criminal law. For this purpose, in particular, were analyzed Russian legislation and Islamic law in foreign countries. Special attention is given to presence in the primary source of Islamic law is now recognized democratic community principles of criminal law.

Keywords: criminal law; Islam; Quran; convergence; principles.

1. Введение

Взаимосвязь религиозных и правовых норм

На протяжении уже многих столетий человечество занимается изысканием и разработкой наиболее эффективных средств формирования в своих представителях ответственного и, вместе с тем, уважительного отношения к правам, свободам и законным интересам друг друга.

Сказанное нами не является преувеличением; сама история служит подтверждением этому. Относительно российского государства в качестве очевидного свидетельства выступает эволюция его уголовного законодательства.

Несомненно, содержание уголовно-правовых норм в России, на различных этапах ее развития, менялось, однако цель национальной уголовной политики всегда заключалась и заключается в ограждении от преступных действий (бездействий) прав и свобод, то есть в обеспечении состояния их защищенности.

Именно уголовное право всегда имело статус наиболее репрессивной отрасли отечественного права, предназначенной оказывать на субъекты общественно опасного поведения ответное правовое воздействие.

Как известно, правовая норма есть разновидность социальной нормы, как и правила поведения морально-этического и религиозного характера. Исходя из этого, представляется возможным прийти к логичному выводу, согласно которому правовые и религиозные

* Corresponding author

E-mail addresses: ramiz1999@yandex.ru (R.F. Shahbazov), sizov46@mail.ru (A.A. Sizov)

нормы имеют, по крайней мере, один общий признак – регулирование общественных отношений.

При этом, естественно, стоит признать наличие существенного отличия правовых норм от религиозных, заключающегося в принуждении человека к несению ответственности в случае нарушения норм права и отсутствии такого принуждения при нарушении норм религии.

Конечно, причина такой разницы очевидна и юридически обоснована. Российская Федерация является светским государством, от которого отделены равные перед законом религиозные объединения (ст. 14 Конституции). Поэтому ислам, а также относящиеся к данной религии предписания, которые регулируют уголовные правоотношения, не признаются в Российской Федерации составной частью ее уголовного законодательства.

2. Материалы и методы

Для выявления возможного потенциала конвергенции российского и мусульманского уголовного права был проведен анализ актов российского законодательства, а также исламского права в зарубежных странах.

В ходе исследования были использованы всеобщий (диалектический), общенаучные, а также частно-правовые методы (формально-юридический, системно-исторический, метод сравнительного правоведения).

3. Обсуждение

Несмотря на то, что мусульманское право не признано составной частью российского уголовного законодательства, мусульманское право играет важную роль в жизни нашего общества. Двадцать миллионов российских граждан исповедуют эту религию. Значительная часть граждан имеет одновременно обязанность соблюдать положения национального законодательства и священный для них долг следовать предписаниям ислама, а, соответственно, и мусульманского уголовного права.

Значение данного обстоятельства не должно преуменьшаться в Российской Федерации – поликонфессиональном государстве. Необходимость постоянного поддержания гармоничного уклада жизни представителей различных конфессий, этносов, а вместе с тем, и разных традиций, мировоззрений обусловлена одной из важнейших функций нашей страны – сохранение ее территориальной целостности. Статья 28 Конституции РФ гарантирует свободу совести и вероисповедания, в том числе, и право на индивидуальное либо совместное исповедание любой религии. Названная статья закрепляет свободу выбора и распространения религиозных убеждений, а также осуществления действий в соответствии с ними.

В свою очередь, свобода вероисповедания, провозглашаемая российским законом, не имеет абсолютного характера, что связано с необходимостью защиты основ конституционного строя нашего государства.

Так, в ч. 2 ст. 3 ФЗ от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ (в ред. от 28.11.2015) «О свободе совести и религиозных объединениях» (О свободе..., 1997) предусмотрена возможность ограничения федеральным законом права человека и гражданина на свободу совести и вероисповедания, но только в мере, необходимой для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов человека и гражданина, обеспечения обороны и безопасности страны.

Примером таких взглядов служат убеждения экстремистской направленности, связанные с насильственным изменением основ конституционного строя и нарушением целостности Российской Федерации; публичным оправданием терроризма и иной террористической деятельностью; пренебрежительным отношением к представителям иной расы, национальности, конфессии или иного социального положения; признанием исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушением прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии.

Согласно же утвержденной Президентом РФ «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» ([Стратегия противодействия..., 2014](#)) экстремизм, как идеология, представляет собой систему взглядов и идей, в соответствии с которыми насильственные и иные действия противоправного характера выступают в качестве основного средства разрешения социальных, расовых, национальных, религиозных и политических конфликтов. Соответственно, в России не допускается распространение религиозных убеждений, оправдывающих такие взгляды и идеи. Тем более уж не стоит сомневаться в категорическом непринятии данных религиозных норм, как потенциальных для имплементации в отечественное право.

Представляется, что возможно, как минимум, рассуждать о наличии соответствующего потенциала у норм мусульманского права, по крайней мере, по причине отсутствия экстремистского содержания в их основном источнике – Коране. Однако в недавнем времени предпринималась попытка признания некоторых предписаний священной книги мусульман экстремистски направленными. Так, в августе предшествующего года судья Южно-Сахалинского суда приняла по иску прокурора г. Южно-Сахалинск о признании экстремистским материалом книгу «Мольба (дуа) к Богу: ее значение и место в исламе», в соответствии с которым были признаны экстремистскими цитаты из Корана. В свою очередь, 11 сентября того же года прокуратурой г. Южно-Сахалинск было обжаловано данное судебное решение и пояснено, что просьба о признании экстремистским материалом в поданном исковом заявлении касалась исключительно мнения самого автора, а не аятов из Корана. 4 ноября 2015 года Сахалинский областной суд отменил решение городского суда Южно-Сахалинска.

Стоит отметить получение данным событием общественного резонанса, вызвавшего реакцию не только лиц, исповедующих ислам и ведущих мусульманский образ жизни, но и главы российского государства, В.В. Путина.

В частности, Президентом Российской Федерации был внесен на рассмотрение депутатов законопроект, предложивший закрепить в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» статью 3.1, которая запрещала бы признавать экстремистскими материалами Библию, Коран, Танах, Ганджур, их содержание и цитаты из них. Уже 23 ноября 2015 года данное предложение в форме ФЗ «О внесении изменения в ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»» № 314-ФЗ получило законную силу ([О внесении..., 2015](#)).

Интересно заметить реакцию председателя комитета Государственной Думы РФ по безопасности и противодействию коррупции И. Яровой по поводу принятия закона. По ее словам, инициатива Президента РФ «подтверждает приверженность России традиционным ценностям, их сохранению и защите, направлена на обеспечение равного уважения к мировым традиционным религиям, составляющим неотъемлемую часть исторического наследия нашей страны» ([В. Путин внес...](#)).

В свете сказанного несложно выявить очевидное следствие, выражающееся в официальном признании факта не оправдания религией ислам взглядов и идей, содержащихся в идеологии экстремизма ([Шахбазов, 2015: 293](#)). Иными словами, данной конфессии в традиционном, классическом понимании, не придается статуса источника убеждений, которые могут представлять угрозу для основ конституционного строя и целостности России, нравственности, здоровья населения, а также прав и законных интересов человека и гражданина, безопасности государства.

Таким образом, в Российской Федерации существует нормативная основа, позволяющая, в частности, ее гражданам, являющимся правомерными мусульманами и основывающимися, соответственно, свою жизнедеятельность на предписаниях Корана, оставаться таковыми, не нарушая при этом российского законодательства.

В настоящей статье не предпринимается попытка побуждения законодателя к имплементации каких-либо конкретных положений мусульманского уголовного права в УК России. Нам бы хотелось обратить внимание на уместность рассуждений по поводу потенциала исламских норм быть воспринятыми в качестве приемлемых.

Принадлежность РФ к категории светских государств не является исключаящим актуальность затронутой нами проблемы обстоятельством, поскольку не составляет особого

труда проследить отражение в различных отраслях права нормы, которые когда-то были религиозными или являются таковыми по сей день.

Так, положения ч. 7 ст. 3 Федерального закона от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» об охране тайны исповеди законом. Недопустимо привлекать к уголовной ответственности священнослужителя по причине его отказа от дачи показаний по обстоятельствам, ставшим ему известными из исповеди. Из этого следует, что закон исключает ответственность священнослужителей по аналогии, например, с исключением ответственности за неразглашение адвокатской тайны. Однако должность адвоката все же относима к сфере светской жизни и урегулирована нормативными актами РФ (Сизов, Шахбазов, 2015: 74). Следовательно, религиозное правило о неразглашении тайны исповеди находит свое обеспечение со стороны светского российского права.

Таким образом, влияние некоторых религиозных норм на российское законодательство является фактом.

В отечественном уголовном законодательстве также представляется возможным наблюдать религиозные нормы, содержащиеся, в частности, уже в мусульманском праве (Сизов, Шахбазов, 2014: 44). Речь идет о классических принципах мусульманского уголовного права, которые по своему смыслу не имеют кардинальных отличий от основных начал уголовного права Российской Федерации, а также иных демократических европейских государств, что способствует формированию стабильной «правовой почвы» для взаимодействия мусульманской и российской уголовных политик (Сизов, Шахбазов, 2015: 192). В свою очередь, под классическими понимаются те принципы, которые содержатся в основном источнике мусульманского права – Коране.

Первым классическим принципом мусульманского права является принцип возложения уголовной ответственности по справедливости и защиты от несправедливой уголовной ответственности или принцип индивидуальной уголовной ответственности за совершение преступления.

Некоторые современные ученые полагают, что в исламе провозглашаются пять основных прав члена мусульманского сообщества (Али-заде, 2007; Buhl, Welch). Следовательно, данная конфессия закрепляет для всех гарантии от необоснованного ограничения или нарушения этих прав со стороны государства. В перечень упомянутых прав, в частности, входят: 1) право на религию; 2) право на жизнь; 3) право на мнение; 4) право на потомство; 5) право на собственность (Али-заде, 2007; Buhl, Welch).

Выведение данного принципа как одного из основополагающих для мусульманского уголовного права обусловлено реальной возможностью наблюдать его своеобразную формулировку в Коране: «Скажи: Неужели я стану искать другого Господа помимо Аллаха, в то время как Он является Господом всякой вещи? Каждая душа приобретает грехи только во вред самой себе. Ни одна душа не понесет чужого бремени. Затем вам предстоит вернуться к вашему Господу, и Он поведает вам о том, в чем вы расходились во мнениях» (Кулиев, 2012: 165). Также в Коране сказано: «Кто творит зло, тот получит за него воздаяние и не найдет для себя вместо Аллаха ни покровителя, ни помощника» (Lippman, 1989: 62).

Нельзя не отметить, что смысловое содержание принципа индивидуальной уголовной ответственности в мусульманском праве не вступает в кардинальное противоречие с уголовной политикой РФ. Кроме того, среди ученых распространяется мнение о первоначальном возникновении данного принципа именно в мусульманском праве, а не иных правовых системах (William et al., 2005).

Как и российское уголовное законодательство мусульманское уголовное право зиждется на принципе законности, во многом совпадающим с принципом законности, закрепляемом статьей 3 УК РФ (Бирюков, 2014). Согласно ст. 3 преступными и, соответственно, уголовно наказуемыми являются только те деяния, которые предусмотрены уголовным законом. В несколько ином виде подобный смысл передают слова из Корана: «Кто следует прямым путем, тот поступает во благо себе. А кто впадает в заблуждение, тот поступает во вред себе. Ни одна душа не понесет чужого бремени. Мы никогда не наказывали людей, не отправив к ним посланника».

В Коране явно отмечается недопустимость наказуемости людей за деяния, которые на момент их совершения не являлись преступными. Так, в Коране сказано: «Твой Господь не

уничтожал селения, пока не отправлял в важнейшее из них посланника, который читал им Наши аяты. Мы не уничтожали селения, если только их жители не были беззаконниками» (Козлихин, 2011: 424).

В качестве третьего классического принципа мусульманского права выступает принцип недопустимости обратной силы уголовного закона. Смысловое содержание данного принципа также схоже со смысловым содержанием аналогичного принципа уголовного законодательства западных стран. Причина его закрепления обусловлена религиозными канонами. Предназначением рассматриваемого принципа является защита человека, ставшего в недавнем времени мусульманином и еще не познавшего уголовные законы ислама. Вместе с тем, на современном этапе развития исламских государств принцип недопустимости обратной силы уголовного закона во все большей степени стал рассматриваться как фундаментальная гарантия, направленная на обеспечение защиты граждан от властного произвола со стороны государства.

Помимо приведенных, еще одним неотъемлемым классическим принципом мусульманского права, на наш взгляд, является презумпция невиновности. В современном понимании презумпция невиновности выступает в качестве основополагающего принципа уголовной политики каждого правового государства, и в соответствии с ним лицо, обвиняемое в совершении преступления, не может считаться виновным до момента признания его виновности вступившим в законную силу приговором суда. Данный принцип также исключает обязанность обвиняемого доказывать свою невиновность в уголовном процессе, поскольку бремя доказывания виновности обвиняемого полностью возлагается на субъекты уголовного преследования (Баев, 2013: 370).

Исходя из этого, данный принцип в определенной степени служит основой правовой защиты интересов обвиняемого, а значит и позволяет в некотором роде определить основные проблемы внутригосударственного регулирования правового статуса личности, поскольку «право на правовую защиту служит своеобразным индикатором юридического положения личности в обществе» (Бирюков, 1992: 74).

В свою очередь, убежденность в безусловном присутствии презумпции невиновности в мусульманском праве основано на положениях Корана: люди пребывают в состоянии первоначальной чистоты – «фитра», при котором человек придерживается абсолютного послушания воле Аллаха (William et al., 2005: 293). Мусульмане придерживаются позиции, связанной с чуждостью исламу идеи о первородном грехе, совершенном когда-то первыми людьми и передающемся каждому человеку при рождении. В подтверждение приведем следующую выдержку из Корана: «И ни одна душа не понесет ношу чужую» (Сура 17 «Аль-Исра», аят 15). Ислам призывает верить, что Аллах предоставил людям одинаковую склонность как к добру так и ко злу, что также подтверждается Кораном: «Клянусь душой [человеческой] и Тем, кто ее сотворил и придал ей соразмерность, кто внушил ей ее грехи и ее благочестие. Преуспел тот, кто очистился душой. Понес урон тот, кто сокрыл [злое] в душе» (Сура Аш-Шаме 91, аяты 7-10). В соответствии с данными, а также другими аятами Корана в мусульманском судопроизводстве сложился принцип доверительного отношения к личности (презумпция невиновности).

Особо примечательно, что принцип презумпции невиновности в своеобразном виде закрепился в мусульманском праве ранее, чем в Европе в 1789 году.

В уголовном процессе существующих на сегодняшний день исламских государств, в которых уклад жизни населения, а также право в целом, подчинены канонам ислама, представляется возможным проследить последний из рассмотренных в настоящей статье классических принципов.

4. Результаты

В Российской Федерации значительная часть граждан имеет, одновременно, юридическую обязанность соблюдать положения национального законодательства и священный для них долг следовать предписаниям ислама, а, соответственно, и мусульманского уголовного права.

В России имеется нормативно-правовая основа для сочетания обязанности по соблюдению положений национального законодательства и священного для них долга следовать предписаниям ислама.

Наличие у России статуса светского государства не является обстоятельством, исключающим актуальность вопроса о потенциале конвергенции норм российского и мусульманского уголовного права.

Классические принципы мусульманского уголовного права не вступают в противоречие с основными началами уголовного процесса России и западных стран.

5. Заключение

В завершении осмысления потенциальной возможности конвергенции российского и мусульманского уголовного права считаем допустимым и обоснованным говорить об уместности и актуальности затрагивания данной темы в свете оказания серьезного влияния религии ислам на историческое прошлое и настоящее России, что обусловлено, в частности, следованием данной мировой конфессии значительным числом населения нашей страны.

Внимательное ознакомление с текстом основного источника мусульманского права – Корана, позволило прийти к выводу о содержании в нем основных начал уголовного права, отражение которых можно заметить в уголовном законодательстве РФ, а также иных демократических государств.

Приведенные обстоятельства дают повод для признания наличия у норм мусульманского права определенного потенциала к конвергенции с российским уголовным законодательством.

Литература

Али-заде, 2007 – Али-заде А.А. Исламский энциклопедический словарь М.: Ансар, 2007. URL: <http://www.interfax.ru/russia/477436>

Баев, 2013 – Баев М.О. Методологические основы использования средств криминалистики в процессуальной деятельности адвоката-защитника // *Вестник ВГУ. Серия: Право.* 2013. № 2. С. 368-379.

Бирюков, 1992 – Бирюков П.Н. Роль международно-правовых норм в обеспечении «права на правовую защиту» // *Правоведение.* 1992. № 2. С. 74-79.

Бирюков, 2014 – Бирюков П.Н. Международное право в основных мировых религиях (на примере ислама) // *Вестник Дипломатической Академии. Международное право.* 2014. № 1. С. 46-49.

В. Путин внес... – В. Путин внес в Госдуму законопроект о недопустимости считать Священные Писания экстремистскими [Электронный ресурс]. URL: <http://www.soborjane.ru/bez-rubriki/v-putin-vnes-v-gosdumu-zakonoproekt-o-nedopustimosti-schitat-svyashhennye-pisaniya-ekstremistskimi>.

Козлихин, 2011 – Козлихин И.Ю. Мусульманское право // *Правоведение.* 2011. № 3 (296). С. 421-458.

Кулиев, 2012 – Кулиев Э.Р. Коран: Перевод смыслов. изд. 10-е, стер. М.: Эксмо, 2012. 688 с.

О внесении..., 2015 – О внесении изменения в ФЗ «О противодействии экстремисткой деятельности»: Федеральный закон от 23.11.15 № 314-ФЗ // *Собрание законодательства РФ.* 2015. № 48 (часть I). Ст. 6680.

О свободе..., 1997 – О свободе совести и религиозных объединениях: федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (в ред. от 28.11.2015) // *Собрание законодательства РФ.* 1997. № 39. Ст. 4465.

Сизов, Шахбазов, 2014 – Сизов А.А., Шахбазов Р.Ф. Теоретико-правовой анализ сотрудничества Российской Федерации и Исламской Республики Иран в сфере уголовного судопроизводства // *Духовная ситуация времени. Россия XXI век.* 2014. № 2 (3). С. 43-47.

Сизов, Шахбазов, 2015 – Сизов А.А., Шахбазов Р.Ф. Правовой статус иностранного гражданина по российскому уголовному законодательству // *Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии.* 2015. № 7. С. 191-194.

Сизов, Шахбазов, 2015 – Сизов А.А., Шахбазов Р.Ф. Состязательность в российском уголовном процессе: сравнительный анализ с судопроизводством в мусульманском праве // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право.* 2015. №1 (14). С. 69-76.

Стратегия противодействия..., 2014 – Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753) // СПС КонсультантПлюс.

Шахбазов, 2015 – Шахбазов Р.Ф. Презумпция невиновности как принцип мусульманского уголовного права / Сборник науч. статей Международной 5-й науч.-практ. конференции «Исследование инновационного потенциала общества и формирование направлений его стратегического развития». Курск: ЗАО «Университетская книга», 2015. С. 292-294.

Buhl, Welch – Buhl, F., Welch, A.T. Muhammad. Encyclopedia of Islam Online.

Lippman, 1989 – Lippman M. Islamic Criminal Law. Boston, 1989. P. 111.

William et al., 2005 – William H. McNeill; Jerry H. Bentley; David Christian, eds. (2005). Berkshire Encyclopedia of World History. Berkshire Publishing Group.

References

Ali-zade, 2007 – Ali-zade, A.A. (2007). Islamskii entsiklopedicheski slovar' [The Islamic Encyclopedic Dictionary]. M.: Ansar. URL: <http://www.interfax.ru/russia/477436> [in Russian].

Baev, 2013 – Baev, M.O. (2013). Metodologicheskie osnovy ispol'zovaniya sredstv kriminalistiki v protsessual'noi deyatel'nosti advokata-zashchitnika [The methodological bases of the use of forensic science in the procedural activities of defense attorney]. *Vestnik VGU. Seriya: Pravo.* 2: 368-379. [in Russian].

Biryukov, 1992 – Biryukov, P.N. (1992). Rol' mezhdunarodno-pravovykh norm v obespechenii «prava na pravovuyu zashchitu» [The role of international legal norms in ensuring “the right to legal protection”]. *Pravovedenie.* 2: 74-79. [in Russian].

Biryukov, 2014 – Biryukov, P.N. (2014). Mezhdunarodnoe pravo v osnovnykh mirovykh religiyakh (na primere islama) [The international law in major world religions (on the example of islam)]. *Vestnik Diplomaticheskoi Akademii. Mezhdunarodnoe pravo.* 1: 46-49. [in Russian].

V. Putin vnes... – V. Putin vnes v Gosdumu zakonoproekt o nedopustimosti schitat' Svyashchennye Pisaniya ekstremistskimi [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.soborjane.ru/bez-rubriki/v-putin-vnes-v-gosdumu-zakonoproekt-o-nedopustimosti-schitat-svyashchennye-pisaniya-ekstremistskimi>. [in Russian].

Kozlikhin, 2011 – Kozlikhin, I.Yu. (2011). Musul'manskoe pravo [Muslim law]. *Pravovedenie.* 3(296): 421-458. [in Russian].

Kuliev, 2012 – Kuliev, E.R. (2012). Koran [Quran]: Perevod smyslov. izd. 10-e, ster. M.: Eksmo. 688 s. [in Russian].

O vnesenii..., 2015 – O vnesenii izmeneniya v FZ «O protivodeistvii ekstremistkoi deyatel'nosti»: Federal'nyi zakon ot 23.11.15 № 314-FZ. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2015. № 48 (chast' I). Ct. 6680. [in Russian].

O svobode..., 1997 – O svobode sovesti i religioznykh ob"edineniyakh: federal'nyi zakon ot 26.09.1997 № 125-FZ (v red. ot 28.11.2015). Sobranie zakonodatel'stva RF. 1997. № 39. Ct. 4465.

Sizov, Shakhbazov, 2014 – Sizov, A.A., Shakhbazov, R.F. (2014). Teoretiko-pravovoi analiz sotrudnichestva Rossiiskoi Federatsii i Islamskoi Respubliki Iran v sfere ugovnogo sudoproizvodstva [Theoretical and legal analysis of cooperation between the Russian Federation and the Islamic Republic of Iran in the field of criminal justice]. *Dukhovnaya situatsiya vremeni. Rossiya XXI vek.* 2(3): 43-47. [in Russian].

Sizov, Shakhbazov, 2015 – Sizov, A.A., Shakhbazov, R.F. (2015). Pravovoi status inostrannogo grazhdanina po rossiiskomu ugovnomu zakonodatel'stvu [The legal status of a foreign citizen under russian criminal law]. *Vestnik Kurskoi gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii.* 7: 191-194. [in Russian].

Sizov, Shakhbazov, 2015 – Sizov, A.A., Shakhbazov, R.F. (2015). Sostyazatel'nost' v rossiiskom ugovnom protsesse: sravnitel'nyi analiz s sudoproizvodstvom v musul'manskom prave [The competitiveness in the russian criminal process: a comparative analysis with judicial proceedings in muslim law]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo.* 1(14): 69-76. [in Russian].

Strategiya protivodeistviya..., 2014 – Strategiya protivodeistviya ekstremizmu v Rossiiskoi Federatsii do 2025 goda (utv. Prezidentom RF 28.11.2014 № Pr-2753). SPS Konsul'tantPlyus. [in Russian].

Shakhbazov, 2015 – *Shakhbazov, R.F.* (2015). Prezumpsiya nevinovnosti kak printsip musul'manskogo ugovnogo prava. Sbornik nauch. statei Mezhdunarodnoi 5-i nauch.-prakt. konferentsii «Issledovanie innovatsionnogo potentsiala obshchestva i formirovanie napravlenii ego strategicheskogo razvitiya». Kursk: ZAO «Universitetskaya kniga», S. 292-294. [in Russian].

Buhl, Welch – *Buhl, F., Welch, A.T.* Muhammad. Encyclopedia of Islam Online. [in English].

Lippman, 1989 – *Lippman M.* Islamic Criminal Law. Boston, 1989. P. 111. [in English].

William et al., 2005 – *William H. McNeill; Jerry H. Bentley; David Christian, eds.* (2005). Berkshire Encyclopedia of World History. Berkshire Publishing Group. [in English].

УДК 343.2/.7

Российское и мусульманское уголовное право: потенциал конвергенции

Рамиз Физулиевич Шахбазов ^{a, *}, Александр Александрович Сизов ^a

^a Курский институт социального образования (филиал) РГСУ, Российская Федерация

Аннотация. В представленной статье не приводятся рекомендации по имплементации отдельных норм мусульманского уголовного права в уголовное законодательство Российской Федерации, а акцентируется внимание на допустимости рассмотрения вопроса о возможной конвергенции российского и мусульманского уголовного права. Объективный анализ норм российского законодательства позволил выявить некоторые примеры обличения религиозных правил поведения, как разновидности социальных норм, в нормативно-правовую форму. Целью данной научной статьи является выявление возможного потенциала сближения российского и мусульманского уголовного права. Для этого, в частности, был проведен анализ российского законодательства и исламского права в зарубежных странах. Особое внимание уделяется наличию в первоисточнике мусульманского права общепризнанных демократическим сообществом принципов уголовного права.

Ключевые слова: уголовное право, ислам, Коран, конвергенция, принципы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ramiz1999@yandex.ru (Р.Ф. Шахбазов), sizov46@mail.ru (А.А. Сизов)